

СТАРАЯ СМОЛЕНСКАЯ ДОРОГА И ДОРОЖНАЯ СЕТЬ БОРОДИНСКОГО ПОЛЯ: СООТНОШЕНИЕ С КЛЮЧЕВЫМИ ПОЗИЦИЯМИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Значение Старой Смоленской дороги как для связи России с Западной Европой, так и для складывания общероссийского рынка и безопасности страны трудно переоценить. Регион, в границах которого располагалась Смоленская дорога, представляет собой единый ландшафтный комплекс с характерными признаками. «Близость к Москве Смоленской дороги, которая когда-то связывала Москву с европейскими странами, по которой нередко двигались войска многих государств, стремившихся к завоеванию России, а в промежутках между войнами - путешественники, торговцы и туристы; тесная связь с Черниговщиной - уже украинской землей - предопределила насыщенность смоленско-брянских земель мемориальными территориями, поместьями, историческими городами»¹. Именно для этого региона, связанного когда-то с литовско-польскими землями, особое значение имела Смоленская дорога.

Старая Смоленская дорога как коммуникационная система в рамках Российского государства появилась в конце XVII в., в 1686 г. Как единая система она начинает функционировать с 1689 г., после окончательного присоединения к Московскому государству Дорогобужа и Смоленска. Тогда впервые была открыта трасса, соединяющая Москву с Вильной. До этого речь могла идти лишь о локальных дорожных сетях, из которых позже сложилась единая дорожная система, связывавшая Москву со Смоленском и известная как «старая Смоленская дорога».

Процесс представлял собой развитие нескольких локализованных дорожных сетей, формирующихся вокруг таких городов, как Можайск, Вязьма и Дорогобуж, являвшихся некогда центрами удельных княжеств, которые были связаны и друг с другом, и с Москвой. С появлением во второй половине XVIII в. так называемой Новой Смоленской дороги ряд ее участков (в частности, от Смоленска до Дорогобужа) слился с новой магистралью.

Поле Бородинского сражения представляло собой исторически сложившуюся инфраструктуру с широкой сетью рокадных дорог, соединяющих Старую и Новую Смоленские дороги. Именно дорожная сеть имела значение не только для развитой хозяйственной инфраструктуры, но и для решения важнейших стратегических задач, стоявших перед сражающимися армиями в ходе знаменитой битвы. Однако до настоящего времени проблеме коммуникационных линий Бородинского поля не посвящено ни одного исследования.

Основным источником для данной работы явился картографический материал, который может быть распределен на несколько локальных групп исходя из условий и времени его изготовления.

Во-первых, это планы и карты, изготовленные на основе глазомерной съемки и представляющие собой *военно-оперативные документы*. Наиболее интересным среди них является рукописный план, изготовленный капитаном Траскиным накануне сражения и датированный 25 августа 1812 г.ⁱⁱ Этот источник можно рассматривать как своеобразный протограф для литографии, озаглавленной «План позиции при селе Бородине близ гор. Можайска. 1812 г., августа 25»ⁱⁱⁱ, и целого ряда планов, помеченных датой сражения (26 августа / 7 сентября 1812 г.), в частности плана с личными пометами П.П. Коновницына из фонда Бородинского музея-заповедника.

Среди планов и карт, изготовленных накануне сражения или сразу после него, следует отметить датированный днем сражения «Plan de la Bataille de Borodino 7 septembre 1812»*, на котором в клапане представлен бой за Шевардинский редут накануне генерального сражения^{iv}. По характеру исполнения и имеющейся информации, в частности нанесенной дорожной сети, он очень близок к плану Траскина. Известно, что императору Александру I был отправлен план Бородинского сражения. Можно предположить, что отправили именно этот план, о чем свидетельствует, помимо французского языка, и тщательность его исполнения.

Особую группу образуют планы, которые составлены на основе выводов приближенных к штабному командованию участников сражения. Условно их можно назвать «*историческими*». Это карты, изготовленные при непосредственном участии начальника Генерального штаба барона Толя: «План сражения при селе Бородине бывшего 26 августа 1812 года...»^v и «Ордер де баталь войск бывших в сражении при селе Бородине 24 и 26 чисел августа 1812 года»^{vi}. Данная группа представляет особый интерес, так как именно Толь являлся одним из основных интерпретаторов событий Бородинского сражения, и его версия положена в основу целого направления в историографии Бородинской битвы. Чтобы завершить характеристику данной группы, необходимо упомянуть гравированный «План битвы при селе Бородине», который «сочинил квартирмейстерской части Генерал-майор Хатов»^{vii}.

Как особый исторический источник необходимо выделить материалы *Генерального межевания*, и прежде всего планы дач Генерального межевания. Межевание Можайского уезда проводилось в 1766-1771 гг. Планы дач крупномасштабные (1 : 8400), на них указаны границы частных владений, населенные пункты с усадьбами, дороги, гидрологические объекты (реки, ручьи, овраги, пруды), уголья (леса, болота, сенокосы, огороды, пашни), мельницы, господские дома, скотские дворы, заводы. Планы снимались инструментально, поэтому дают возможность точно привязаться на местности. Известно, что межевые планы были затребованы Кутузовым непосредственно перед сражением. Основная часть межевых планов Можайского уезда ХУШ-ХІХ вв. хранится в Российском государственном архиве древних актов^{viii}.

В картографическом материале выделяются *французские карты и планы*, и среди них - знаменитый план, снятый инструментально сразу после сражения наполеоновскими картографами Пресса, Шеврие и Ренье. Тщательность изготовления данного плана привела к тому, что с него была снята русская копия и сделан перевод на русский язык.

Анализируя картографический материал в целом, можно констатировать: именно возможность маневра вместе с природными составляющими, которые могли выступать как естественные оборонительные рубежи (водные преграды, и прежде всего р. Колочь, овраги, перелески, болота), предопределили выбор этой позиции для генерального сражения. Об этом Кутузов сообщал в своем рапорте императору Александру I: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12 верстах вперед Можайска, одна из лучших, которую на плоских местах найти можно»^{ix}. При этом определяющими факторами для главнокомандующего были обеспечение безопасности и возможность отступления. Он справедливо полагал, что Бородино - не последняя битва с французами, которая решит успех всей кампании. Следует отметить, что Кутузов осознавал опасность, которую представляла Старая Смоленская дорога, «склонявшаяся» в обход 2-й Западной армии Багратиона в тыл боевого порядка русских войск^x.

Выдающийся немецкий теоретик военного искусства К. Клаузевиц, участвовавший в войне 1812 года на стороне русских, писал, что трудно было «найти лучшую позицию, чем при Бородино». При этом он отмечал: «Россия чрезвычайно бедна позициями. Там, где еще имеются большие болота, местность настолько покрыта лесами, что трудно найти достаточное пространство для расположения сколько-нибудь значительной массы войск; там, где леса вырублены, как между Смоленском и Москвой, местность плоская, без определенно выраженного рельефа, нет глубоко врезанных долин, поля не огорожены, а следовательно, всюду легко проходимы, селения имеют деревянные постройки, а потому мало пригодны до обороны. К этому надо добавить, что в этих местах широкий обзор встречается лишь изредка, так как повсюду разбросаны небольшие перелески. В общем, выбор позиции очень стеснен, поэтому если полководец, как то было с Кутузовым, должен не теряя времени, дать сражение и найти на протяжении двух-трех переходов подходящую местность, то, конечно, ему приходится мириться со многим»^{xi}.

Высокую оценку позиции дает другой участник Бородинского сражения, обер-квартирмейстер 6-го корпуса И.П. Липранди. «Не только местность, изрезанная глубокими оврагами и в перпендикулярном направлении к нашей позиции оврагами и длинными извилинами Колочи, затруднила бы движение неприятельских колонн и взаимное их между собою сообщение для натиска на наш правый фланг; но здесь было еще то главное, что Наполеон не имел бы простора к маневрированию, будучи для сего стеснен на своем левом крыле течениями Москвы-реки»^{xii}.

Взгляд Липранди на избранную позицию поддерживает современный английский

историк Д. Чандлер. «С точки зрения русских, главным преимуществом этой местности был ее холмистый и пересеченный характер: любой силе, двигавшейся с запада, будет невозможно совершать маневры, не ломая боевые порядки, а разошедшиеся массы выступающих явятся прекрасными мишенями для артиллерии, ведущей огонь с заранее подготовленных позиций»^{xiii}.

В связи с этим особый интерес представляют воспоминания французского офицера кирасирского полка Тириона де Меца, который писал: «Та часть России, по которой мы двигались, представляла из себя равнину, частью покрытую лесами, но никакие возвышения не представлялись взору, а, между тем, на пути было немало крутых спусков и подъемов. Обстоятельство это объясняется тем, что равнины эти (т.е. равнины для глаз) изборозжены оврагами, которые только тогда и заметны, когда они у нас уже под ногами»

Подробное описание русских позиций накануне Бородинского сражения дает один из первых историографов войны 1812 года и ее участник А.И. Михайловский-Данилевский. «Рано поутру 22 августа, опередив армию, прибыл князь Кутузов в Бородино и, по объезде окрестностей, нашел их соответствующими своим намерениям. Бородинская позиция пересекается надвое большой Смоленской дорогой. Правый фланг примыкает к роще, находящейся между Москвой-рекой и впадающей в нее речкою Колочей; левый фланг оканчивается в кустах у деревни Утицы, на старой Смоленской дороге, ведущей из Гжатска, через село Елну в Можайск. Фронт позиции, занимая протяжением около 7 верст, до Бородина прикрыт Колочей, извинаящейся по глубокому оврагу, далее ручьем Семеновским и кустами, лежащими между Утицей и Семеновским, и составляет выдавшийся при Бородине тупой угол. Местоположение, образуя общую покатость, склоняющуюся с левого крыла на правое, к Москве-реке и устью Колочи, представляет несколько возвышенных холмов у деревни Шевардино, в 1000 саженьях впереди левого фланга. Желая не дать неприятелю возможности овладеть сим пунктом, обозревать все расположение Российских войск и иметь вместе с тем удобство действовать во фланг наступающим по большой дороге к Бородину колоннам, князь Кутузов велел на одном из трех курганов у Шевардина построить пятиугольный редут, на 12 батарейных орудий, который однако же, не был окончен. Для лучшего обеспечения правого фланга близ Москвы-реки, построены были перед лесом три отдельные укрепления, да для обороны переправы через речку Колочу, на большой Смоленской дороге, насыпана была сильная батарея у Горок, прикрытая другой батареей, ниже ее, в 300 саженьях. В центре, на кургане между Бородином и Семеновским, построен большой люнет, с флангами на 18 орудий, названный впоследствии батареей Раевского. Цель сего укрепления была обстреливать весь скат к ручью Семеновскому и кусты, лежащие по левому берегу оною, доставляя фланговую оборону Бородину. Левее Семеновского устроены три флеши для прикрытия слабейшего пункта позиции и поддержания стрелков, долженствовавших занимать овраг перед фронтом и кусты по направлению к Утице. Главная квартира помещена в селе Татаринове.

Расположение войск было следующее. На конце правого фланга в лесу, в засеках и укреплениях находились три егерских полка под командой полковника Потемкина, которые по обстоятельствам не были в деле и имели от канонады весьма малый урон. Далее к центру - 2-й корпус Багговута из 2-й и 4-й пехотных дивизий. С ним в линии - 4-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого, из 11-й и 23-й пехотных дивизий. Сими войсками начальствовал Милорадович. Центр составлял 6-й корпус из 7-й и 24-й пехотных дивизий под предводительством генерала Дохтурова; далее, к левому флангу расположен был 7-й корпус генерал-лейтенанта Раевского из 12-й и 26-й пехотных дивизий. Конечность левого крыла состояла из 27-й пехотной дивизии Неверовского и сводной гренадерской дивизии генерал-майора Воронцова»^{xv}.

Михайловского-Данилевского дополняет профессор Императорской Николаевской военной академии генерал-лейтенант А.К. Байов. В своей монографии, посвященной военному искусству, он пишет: «При первоначальном своем расположении 22-го августа у с. Бородино армии наши расположились на позиции на правом берегу р. Колочи, имея правый фланг против с. Малое, а левый - у с. Шевардино, и в общем не перпендикулярно наступлению противника, а строго следуя течению р. Колочи, подав значительно вперед левое крыло и осадив назад правое»^{xvi}.

Перекрыв Новую Смоленскую дорогу, по которой двигался основной поток

наполеоновских войск, русское командование оставляло Старую Смоленскую дорогу в тылу, что создавало угрозу обхода русского левого фланга. Упор делался на фронтальный характер сражения. Однако такое расположение войск значительно растягивало линию обороны, о чем писал Л. Л. Беннигсен, обращая «прежде всего внимание на огромное пространство, которое занимали наши войска (в этом заключалась величайшая ошибка, какую можно было сделать в ожидании атаки со стороны Наполеона)»^{xvii}.

Однако именно такое расположение войск, как явствует из анализа картографического материала, давало возможность практически полностью перекрыть всю дорожную сеть Бородинского поля.

В этой позиции с. Шевардино - край левого фланга русских - становилось важным опорным пунктом на пути продвижения французов, так как именно здесь сходились несколько рокадных дорог, ведущих в глубь русских позиций, в частности дорога от Колоцкого монастыря^{xviii}. Далее эта дорога вела на Семеновское, и по ней, очевидно, в район Шевардина была переброшена неприятельская артиллерия - батареи Фуше и Сорбье. Значит, дорога достаточно часто использовалась и находилась в хорошем состоянии. На плане 1767 г. она показана как основная, а от нее на север и на юг расходится ряд других дорог, более мелких. Две из них ведут в район д. Алексино и Бородино, одна - в д. Доронино. Местность в районе д. Шевардино пересеченная, с несколькими крупными оврагами, представлявшими естественные препятствия на пути следования войск. В связи с этим наличие дорог приобретало особое значение. Интересно отметить, что дороги, расположенные с северной стороны, с обеих сторон фланкируются оврагами, между которыми располагается болотистая местность.

В систему рокадных дорог, соединявших Колоцкий монастырь с д. Шевардино, входила дорога, идущая через д. Рогачево. Именно в Рогачеве была обнаружена польская иконка. На одной стороне ее изображена Богородица Ченстоховская, а на другой - польский епископ, герой обороны Ченстоховского монастыря от шведского нашествия Александр Кордецкий. Безусловно, эта вещь принадлежала какому-то польскому легионеру, чья часть проходила через Рогачево.

Размещение русских позиций в Бородинском сражении напрямую связано со скоростью передвижения французских войск, преследовавших отступающий русский арьергард. Этим фактом объясняется усиление укреплений именно правого фланга на направлении Новой Смоленской дороги. Движение по ней было наиболее интенсивным, эта дорога представляла собой основную магистраль движения французских войск. Скорость движения русского арьергарда можно проиллюстрировать воспоминаниями участника арьергардных боев 24 августа прапорщика квартирмейстерской части А.Н. Муравьева. «Усиленный неприятельский авангард наступил на нас стремительно, а мы, шаг за шагом, с большим уроном, уступая всю местность, принуждены были постепенно и в порядке отступить»^{xix}.

Спешить с отходом к главным силам русской армии арьергард вынуждало следующее обстоятельство: у Колоцкого монастыря сходились Новая и Старая Смоленские дороги, а ввиду численного превосходства неприятеля Коновницын не мог долго удерживать перекресток. Вскоре корпус Понятовского стал обходить по старому Смоленскому тракту арьергард, двигавшийся по Новой Смоленской дороге, где его теснили главные силы Великой армии: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й кавалерийские корпуса Даву, Нея и Жюно, Старая и Молодая гвардия и резервная артиллерия. Севернее, по проселочной дороге через д. Большие Сады, Коновницын обходил 4-й корпус Евгения Богарне.

Быстрое продвижение французов заставило 2-ю Западную армию перегруппировать силы. Численность войск под командованием Горчакова свидетельствует о том, что, «перестраивая» позицию, русское командование оставляло отряд Горчакова (представлявший до этого «завершение» левого фланга) прикрывать перекресток дорог, сходящихся к Шевардину. Об этом же свидетельствует и тот факт, что в редуте на три орудия в конечном счете расположили 12.

Наполеон стремился овладеть таким важным коммуникационным центром, как Шевардино, где сходились основные коммуникационные линии Бородинского поля. Тем самым он мог максимально приблизиться к русским позициям и обеспечить себе возможность флангового обхода русских с выходом в тыл. Сосредоточению огневой мощи на левом фланге способствовали условия местности - рокадные дороги.

По этой же причине русские изменили диспозицию и отошли на линию Бородино -

батарея Раевского - Семеновское (Семеновские флеши) - Утицы. Тем самым они продолжали прикрывать основные коммуникационные линии, по которым могли двигаться неприятельские войска. При этом диспозиция 1-й Западной армии оставалась, фактически, без изменений. Начальник Главного штаба 2-й Западной армии генерал-майор граф де Сен-При записал в дневнике: «Деревня Семеновка была ключом выбранной позиции. Неприятель мог легко обойти эту позицию, двигаясь через Ельню по Старой Смоленской дороге на Утицу, и затем лесами мог подойти на близкий пушечный выстрел к Семеновке. Главнокомандующий, чтобы воспрепятствовать приближению к ней, приказал укрепить деревню и возвести перед ней несколько флешей»^{xx}

Основная заслуга М.И. Кутузова состоит в том, что он не позволил Наполеону захватить ни одной коммуникационной линии в целях продвижения по ней и развития дальнейшего успеха. Французы не смогли обойти русские позиции. Фланговые удары были отражены, и сражение приобрело фронтальный характер. Таким образом, для решения стратегических задач имели значение не только Старая и Новая Смоленские дороги, а вся дорожная сеть Бородинского поля.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ О значении региона, где проходила Старая Смоленская дорога, пишет Ю.А. Веденин в статье, посвященной описанию крупных регионов России. Он выделяет регион, названный им «Смоленско-Брянские пограничные земли». Именно для этого региона, входившего в зону влияния Великого княжества Литовского, особое значение имела Смоленская дорога. См.: *Веденин Ю.А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. С. 361.*

ⁱⁱ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3797. Ч. 1.

ⁱⁱⁱ Российская Государственная библиотека. Ко5/УП-211.

^{iv} РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3804. Л. 1.

^v План сражения при селе Бородине бывшего 26 августа 1812 года между Российской Императорскою армиею под предводительством Генерала от инфантерии Князя Голенищева Кутузова и французскою соединенною армиею, составленною из войск всех держав Западной Европы под предводительством Императора Наполеона. Сочинен Генерал-Лейтенантом Бароном Толем в 1814 году // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3801.

^{vi} Российская Государственная библиотека. Ко 11/ Из дневника Э.Ф. Сен-При // Бородино в воспоминаниях современников. С. 35. V-4.

^{vii} План битвы при селе Бородине между Российской армиею под начальством Генерала от инфантерии Князя Голенищева-Кутузова и французскою армиею под личным предводительством Императора Наполеона 26 августа 1812 г. Сочинил квартирмейстерской части Генерал-майор Хатов // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3800.

^{viii} РГАДА. Ф. 1354. Д. 255ч.

^{ix} Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 64.

^x *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение: История рус. версии событий. М., 2009. С. 22.

^{xi} *Клаузевиц К.* 1812. М., 1997. С. 68.

^{xii} *Липранди И.П.* Бородинское сражение, заключение с некоторыми примечаниями на историю этой войны, сочиненную г.-м. Богдановичем М., 1869. С. 178.

^{xiii} *Ивченко Л.Л.* Указ соч. С. 237.

^{xiv} *Тирион де Мец.* Воспоминания офицера французского кирасирского №2 полка о кампании 1812 г. // Рейтар. 2003. №3. С. 99.

^{xv} *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 235.

^{xvi} История русского военного искусства. М., 2008. Т. 2. С. 467.

^{xvii} *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне. Киев, 1912.

^{xviii} РГАДА. Ф. 1354. Д. 255. Ч. 1. Ш-10.

^{xix} *Муравьев А.Н.* Из автобиографических записок // Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001. С. 77.

^{xx} Из дневника Э.Ф. Сен-При // Бородино в воспоминаниях современников. С. 35.